

ною покажется». ¹⁷ Далее приводился текст внесенного в комедию нового явления.

Что же представляло собой это новое явление? С точки зрения развития действия комедии, и без того не отличавшегося композиционной стройностью и компактностью, это явление лишь удлиняло его, вводя к тому же новое действующее лицо. Но с точки зрения выполнения автором своей главной, сатирико-памфлетной задачи, появление на сцене рыночного маляра Архисотолаша Филавтоновича Кривобаева, предлагающего хозяину дома намазывать к свадьбе «сладкословеснейшего Гименея», дополняло и без того насыщенную памфлетным элементом комедию новым зарядом убийственных для репутации Тредиаковского (и, по-видимому, не только для него) насмешек. Вся эта сцена, начиная с имени нового персонажа, спроецирована на осмеяние статьи Тредиаковского. Для понимания имени Архисотолаша важно иметь в виду эпизод, о котором сообщает в своей статье Тредиаковский, рассказывая о насмешках Сумарокова перед представлением первой комедии над каким-то лицом, употреблявшим шутовское прозвище Архилаша Архилохич Суффенов. Критик напоминает этот эпизод с явной целью вызвать у широкого адресата письма (по-видимому, Г. Н. Теплова) негативную реакцию по отношению к драматургу, хотя одновременно весь этот пассаж призван уличить Сумарокова в незнании греческого языка, что скрупулезно аргументируется по ходу рассказа. Но Сумароков превосходно повернул это обстоятельство против самого Тредиаковского. Назвав нового персонажа с его откровенно гаерской функцией Архисотолашем, он объединил два имени, удвоив оскорбительный смысл заключенного в нем намека, поскольку сохранил от первого (Тресотинпуса) корень -сот- (от фр. sot — дурак, глупый) и добавил от второго (Архилаша) корень -лаш- (от фр. lasche — подлый, презренный), снабдив оба корня греческой приставкой архи- с ее значением избыточности. Наконец, фамилия Архисотолаша — Кривобаев, как и отчество — Филавтонович также послали памфлетный характер, имея в виду Тредиаковского как автора критической статьи.

С появлением на сцене Архисотолаша в содержании комедии начинают звучать мотивы, смысл которых становится ясен только в контексте статьи Тредиаковского. Между философами и Архисотолашем возникает спор об амбиции. «. . . Ежели в ком нет амбиции, тот или незнающий света или прямо дурак < . . . >. Итак, буде в вас нет амбиции, так эрго. Вить не та амбиция, што амбиция; да амбиция, што явная амбиция, а другова ей звания нет», ¹⁸ — так решает спор Архисотолаш, и во всей этой, напоминающей гаерскую тарабарщину тираде явно просвечивает язвительная отсылка к критике Тредиаковского, порожденной его оскорбленным самолюбием, иными словами амбицией.

¹⁷ Там же. С. 497.

¹⁸ *Сумароков А. П.* Драматические сочинения. Л., 1990. С. 468.